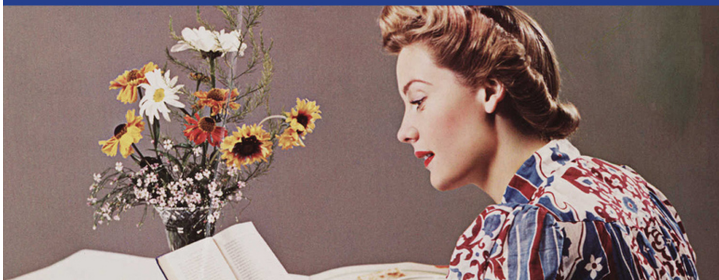

Галина Щербакова

Женщины
в игре без правил

ФТМ

Галина Николаевна Щербакова

Женщины в игре без правил

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130346

Женщины в игре без правил: Вагриус; 2008

ISBN 978-5-4467-1846-7

Аннотация

Это истории женщин одной семьи и тех, кого они выбрали в игре без правил под названием жизнь. Самая старшая обрела счастье, уже не надеясь на него. Ее дочь «придумала» себе любовь и погибла из-за нее. А третья, юная и дерзкая, не хочет ждать чуда, ибо «слабых несет ветер», а она должна все в своей жизни сделать сама. Кто знает, что ее ждет впереди?.. Произведение входит в авторский сборник «Женщины в игре без правил».

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Галина Щербакова

Женщины в игре без правил

I

К новым чувствам надо привыкать, как к новой обуви. Их полагается разносить. Елена босиком ходила по доставшейся ей в обмене квартире и думала другое: если она сейчас же, сию минуту не полюбит ее, как родную, то потом этого уже и не случится. Любовь бывает или сразу, или никогда.

«Начнем, – сказала она себе. – Дивный вид из окна. Лес, овраг... Деревянный мосток... Я буду ходить по нему с плетеной корзинкой, как какая-нибудь барышня-крестьянка. А навстречу мне будет идти добрый молодец... Все вранье... Я сроду на эти мостки не выйду... Да и на черта мне они? У меня от лесного кислорода голова болит шибче, чем от табачного дыма».

Елена отошла от окна. «Звения и подпрыгивая, как тот самый пятак», – подумала она.

Нет, любовь к квартире из пейзажа за окном не вырастала. Она прошлепала пятками по коридору: ровнехонько тринадцать ее лап. «Знала бы, не менялась», – засмеялась она.

И снова это — звеня и подпрыгивая. А потом стало совсем плохо: тринадцать стало преследовать ее на каждом шагу. Номер квартиры — девяносто четыре. Сумма цифр — тринадцать. Тринадцать рядков кафеля над плитой. Тринадцать с копейками метров маленькая комната. Номер жэка — тоже тринадцать. И как она не заметила сразу: номер ее дома тридцать девять, что есть не что иное, как трижды тринадцать.

А ведь у нее было с маклером условие — не тринадцатый этаж. Ну так вот. У нее пятнадцатый, а изнутри весь — насквозь! насквозь! насквозь! — тринадцатый.

Елена почувствовала, как ее охватывает паника, как ее отбрасывает назад — к слезам, неустройству, неуверенности, слабости, в которых она жила последние годы. Она ведь придумала: въедет в квартиру, повернет ключ и — пойдет новая, уже совсем хорошая жизнь. Потом, правда, она поняла, что не та она женщина: у таких, как она, битых и ломанных судьбой, поворот ключа не может решить все сразу и навсегда. И она дала поблажку себе — все будет не сразу, она будет разнашивать новую судьбу, не спеша, постепенно... Она полюбит эту квартиру, хорошая квартира, замечательная. Лес в окне. Мост через овраг...

А получилось... Тринадцать, кругом тринадцать... Захотелось бежать, но бежать было некуда. Захотелось плакать, но исчезли слезы. Захотелось позвонить, но телефон сволючи-сменщики унесли с собой. А она свой постеснялась. Ста-

ренький аппарат из казенных, неудобно забирать... Вот и осталась одна с «постеснялась».

Елена пустила во весь напор воду в ванну. И сказала зеркалу: «Не думай! Вены я вскрывать не буду. Я просто помокну».

Она уперлась ногами в бортик, приподнимая над водой тело. Розовые ногти торчали из пены и существовали как бы независимо и освобожденно. Это свойство красоты – независимость. А ногти у Елены – высший класс и на руках, и на ногах, жаль, нет конкурса по ногтям. Все бы рухнули рядом с ней. «Выручайте меня, пальчики, выручайте! – прошептала она своим „независимым“. – Спасайте свою хозяйку». Она вынула из воды ногу, не такую уж длинную, как сейчас принято, но ничего, вполне, тонкая в кости, чуть суховатая, она набирала силу и нежность там, где самое место нежности. Елена знала, что у нее фигура из тех, что нравятся мужчинам. Она, как говорят в отделе, секси. Бабы ее этим подбадривали, когда она несколько лет по маковку сидела, как в дерьме, в своем жутком замуже, потом разводилась, делилась, шла от всей этой жизни паршой, чесалась, шелушилась, а бабоньки тут как тут: «Ленка! Ты такая секси. Плюнь на все!» В минуты такого жалостливого сестринства ей хотелось сделать что-нибудь совсем уж непотребное: пописать, например, в вазу для цветов, стоящую на столе у начальницы отдела, дамы, у которой все было до такой степени тип-топ, что приходилось думать плохое о самом мироздании. Что ж

ты так себя ведешь, мироздание? Примитивной тетке с пористым носом-рубильником ты дало более чем, а остальным пожлобилась? Или это у тебя весы счастья такие, как у нашей буфетчицы: всем показывают полкило, хотя и трехсот грамм не набегает? Что тебе дала эта, с рубильником? Какую взятку? Хотя спроси прямо. Но неловко же некрасивому напоминать о его некрасоте. В этом случае пописать в вазу лучше. Гуманнее.

Так они – ей. Ты секси, ты секси. Это значит – попочка, грудь, талия и шейка высокая, длинным серьгам болтаться раздолье. Опять же... У «рубильника» шеи *нет вообще*. И цыганистые клипсы, которые ей надо было выкинуть сразу, лежат у нее на плечах, как погоны генерала, а ей хоть бы что...

Зато ты – секси. Еж твою двадцать! Как ни странно, этот мини-гнев дал-таки результат. Он рассмешил. И Елена стала вспоминать разные отдельские глупости, в которых она отходила от семейной беды.

Врагу не пожелаешь, что она пережила за последние пять лет. Пять лет монстр по имени «развод и раздел» сжирал не просто любовь, какая уж там любовь, сжирал всю ее жизнь. Каждый день она просыпалась с ощущением исчезающей жизни. Семнадцать лет – не халам-балам в биографии, но, оглядывая их, Елена видела изъеденную молью ветошь, которой место на помойке, она тащила ее туда, но оказывалось, что ветошь, битая, траченная, и ее тащила за собой. В ней, Елене, получалось – не было жизни самой по себе, без этих

семнадцать лет. Леночка-секси – сама по себе – была где-то там, в розовом детстве и юношестве, но эта уже почти фантомная девочка ничем не могла ей помочь. Более того, она даже как бы мешала ей спастись, она отягощала своей хрупкостью и слабостью. Тут бы самой выжить, а получается, еще спасай хорошенькую химеру с идеалами, принципами, воображением. Такое вот Нечто, такое НЛО собственной жизни.

Елена знала: она еще долго будет глодать эту кость. Будет ее закапывать от себя, но и вырывать, закапывать и вырывать, и грызть, и урчать над этим Ничем Жизни. Она была готова к этому. Ее мама после смерти отца десять лет говорила о нем как о живом и присутствующем. Елена просто заходила от раздражения. Как можно! Интеллигентная женщина. Теперь же сделала наблюдение: воспоминания ненависти, может, и круче воспоминаний любви. Так что держись, подруга! И держись подальше со всем этим от Алки, от дочери. Чтоб не высадилась в ней семена неудачи. Это ведь запросто. У «носа-рубильника» дочь – совершеннейшая мартышка, но уж по маковку в любви и благополучии. Мироздание! Ты совсем спятило, или? Перед Алкой она будет разыгрывать «театр успеха». Хорошо, что лето. Время репетиции удачи. Хорошо, что она скинула дочь бабушке. Она обтопчет новую квартиру босыми ногами, она полюбит ее, как свою. Она повесит занавески, которые намечтала, выставит остатки керамики (ну мог ты, муж-паразит, не выхватывать из комплекта кружки-братины, я же предлагала тебе за них деньги!), она

выскоблит кухню и купит (черт с ним, с новым пальто, если она и так секси) диванчик-угольник с яркой обивкой, а над столом спустит низко-низко лампу с абажуром под цвет угольника. Она скажет Алке:

– Дочь! Мы с тобой вот такая пара! – Елена вынула из пены кулак и выставила большой палец с выставочным ногтем. – Вот такая! А к папе будешь ездить в гости. Я не зверь...

Наверное, Алка фыркнет. Это у них такие отношения. Мать бесится, сходит с ума, дочь фыркает. Они в отделе часто обсуждают проблему дочерей. Одна оптимистка, тоже из разведенных, говорит так:

– Все путем. Дочь у меня зараза, но, слава Богу, не проститутка.

«Рубильник» сказала:

– Ну знаете... Так о своем ребенке...

Елена тогда была на взводе и ляпнула:

– Господи! Да пусть будет кем угодно, только бы любила мать! Только бы любила!

Это был момент, когда Алка решила, что с отцом ей будет лучше. Как она говорила: «дешевле». Елена тогда чуть умом не тронулась и даже додумалась: если такая цена, то не дам развода. Лучше мыкаться втроем, чем без дочки.

Откуда ей своим свороченным умом было сообразить, что Алка играла на нервах, что у нее был свой кайф по этому делу: ощущение себя призом гонки. И папочка гонится, и

мамочка не отдает. Это ж что-то значит в жизни! Но прошло, как с белых яблонь дым. Дама сердца отца, которая отбивала у Елены метры и килограммы, в падчерице заинтересована не была. Разве что в момент пакости, чтоб сообщить в суде, что ребенок хочет жить с отцом, потому что «вы понимаете, какая мать». Вот тогда Елена ходила в парше и сдвинутой набок юбке, потому что в тот период секси в ней как корова языком слизала. Не было в ней ничего! Абсолютно. Скелет в парше.

Что и сыграло положительную роль. Женщине с возбудительной попкой и высокой шеей могло бы дорого обойтись Алкино подлое поведение, а женщина в процессе шелушения у нас была, есть и будет первый человек державы. Она горит на работе. Она не возбуждает мужчин, а значит, и не является опасным для общества членом. Шелушитесь, бабы, шелушитесь, вам доверия от страны больше. Вы кость от кости или от чего еще там...

Сейчас Алка у бабушки на даче. Елена взяла две недели, не отгулянные в прошлом году, чтоб довести до ума квартиру и одновременно попривыкнуть к отдаленному месту. Что ни говори, а жила она всю жизнь в центре, на пяточке Курского вокзала. Меняться было очень трудно. Вариант, который подвернулся, считай, счастье, если у тебя голова не болит от леса и ты испытываешь умиление от вида деревянных мостков через овраг. Но это она так, гнусит по привычке, чтоб набить цену Курскому вокзалу. Квартира ей досталась

хорошая, две отдельные комнаты, приличная кухня, ванная в кафеле, а на Курском она вечно держала в углу краску, чтоб замазывать чернеющие углы. И тишина. Блаженная, хотя, как обнаружилось, тяжелая. Было ощущение, будто в ушах у нее кляпы. Ну не кляпы. Кляпы бывают во рту. Но это *неизвестно что* хотелось стянуть, сбросить, чтоб в мозг вонзился голос станционного диспетчера, стук электрички, клацанье стыков рельс и во всем этом шуме и гаме ты поискал бы и нашел себя, скукоженного, жалкого, но ведь живого, черт возьми! А как осознаешь себя в тишине, как себя найдешь? Где ты в ней?

Елена сочла нужным голой пройти по квартире. Пометить стены собственной тенью.

«Ничего, ничего, – говорила она себе. – Я уже вынырнула. Я еще булькаю, но я знаю, что жива. Я сейчас за себя выпью».

В холодильнике у нее стоял вермут. Последнее время они в отделе к нему пристрастились. И даже больше любили совковый, с зеленой обложкой. В нем сильнее, шибче чувствовалась полынь, в нашем вермуте она не исчезала ни от каких добавок и горчила, как ей и полагается. Они в момент застолий называли себя «сестры-вермут» и почему-то всегда говорили о том, что Россия сбилась с пути не от дурных политиков, не от неудобоваримых идей разных психопатов, а от манеры «заглота внутрь» – без удовольствия, исключительно с одной жадностью. Тяпнуть, халкнуть – слова-то какие! В них нет процесса питья – один результат... Кстати, так же

россияне ведут себя и в любви. «Ты кончила?» – вот и вся радость. Не успев начать – кончить. У русского человека нет движения времени, только стремительность конца. Быстро выпить, быстро трахнуть, абы как, абы как... Не отсюда ли стремление к войне как к универсальному способу ускорения жизни? Раз – и нету тебя. А то ведь – живи и живи... Живи и живи. Я русский, я хочу быстро кончить.

Сестры-вермут на процессе потягивания вермута дошли до многих экзотических мыслей, но они были русские сестры, умные мысли уплывали у них в никуда, в дым, бесхозные и легкие, они растворялись в космосе, питая его, и не было конца этим щедротам.

Елена налила себе вермута прямо в керамическую чашку, добавила сырой воды, выдавила лимон.

– За меня, – сказала она. – Пусть мне будет хорошо.

Она включила радио. Передавали сообщение о землетрясении на Дальнем Востоке.

Зубы застучали о чашку, и вермут потек по подбородку. Нет, она не знала тех, погребенных под обломками людей. У нее не было там родных и знакомых. Зубы стучали по ней, как тот самый звонящий колокол, который всегда звонит по тебе. Она не могла отделаться от ощущения предопределенности собственной судьбы. Стоило ей пожелать себе удачи, как ударило землетрясение. Елена ревела так, как не ревела никогда. Она не заметила, что обломила кончик чуть треснутой чашки и из ее губы пошла кровь. Вместе с вермутом

она стекала по подбородку, шее, в игре наперегонки капли вермута были куда шибче, они обгоняли кровь, которая как раз стыла на ходу, как бы засыпая... Слезы же... Слезы... Они шли своим соленым путем. Они не покидали ее, затекая в рот, и она сглатывала все вместе – полынь, соль и остаточную сладость вермута.

И в этот момент в дверь позвонили.

К ней никто не мог прийти. Никто. Значит, это ошибка. И можно сделать вид, что звонка нет. Она хотела посмотреть в глазок, но – дура какая! – постеснялась наготы, как будто ее видно за дверью. Она тихо поставила чашку и провела рукой под носом. Тут-то и обнаружила кровь. А звонок звенел пронзительно, боясь об стены полупустой квартиры, он отзванивал даже в стеклах окон, не прикрытых занавесками.

Елена на цыпочках сбегала в ванную и напялила халатик, на котором не хватало двух нижних пуговиц. На цыпочках подошла к глазку. Прямо в лицо ей смотрел страшный борогатый мужик, несоразмерный, искаженный по краям. У него не могло быть добрых намерений, потому что говорил он громко и грубо: «Откройте же, сволочи! Вы же дома».

«Конечно, – подумала Елена, – я же, видимо, включила радио в тот самый момент, как он вышел из лифта. Он это слышал». Она с ужасом смотрела на хлипкую дверь, которая выбивается одним ударом ноги. У нее не было телефона. Она знала, что соседи на даче: видела, как звенели они связкой ключей, закрывая две двери – простую и железную.

Она тогда подумала: такую же дверь сделаю после углового диванчика.

– Какого черта? – закричала она изо всех сил. – Какого черта вам надо?

– Да откройте же наконец! – кричал ей мужик. – Вы что, нелюди?

– Нелюди! – кричала Елена. – Они и есть. И никого не ждем! И никого не звали! И если вы не уйдете к чертовой матери, я вызову милицию.

– Вызовите! – ответил мужик. – Я вас умоляю, сделайте это.

Это был измученный, вычерневший человек, у ног которого валялся рюкзак. Он не был страшен, скорее он был сам напуган или несчастен, ему сейчас шли все определения рода беды и горя, и Елена сказала: «Проходите!», забыв о недостающих пуговицах и вспомнив о них уже вослед абсолютно индифферентно скользнувшему по раствору ее халата взгляду мужчины. Он прошел прямо в кухню и стал пить воду из крана, припав к нему губами.

– Я дала бы вам чашку, – сказала Елена, смущаясь бутылки вермута на столе и чашки со следами крови. «То-то обо мне подумает! – решила она, но гордо отогнала мысли. – Еще чего! Буду перед каждым делать вид». По радио снова говорили о землетрясении.

– Где? – спросил мужчина.

– На Дальнем Востоке, – ответила Елена.

– Понятно, – сказал он. – Это ожидаемо. Извините, что я ворвался и вас напугал. Здесь раньше жил мой приятель, но не такой, чтоб сообщать мне свой новый адрес. У нас командировочная дружба. Вы мне не скажете, где он теперь получил квартиру?

– Понятия не имею, – ответила Елена. – У нас был сложный обмен. Нас было семеро в цепочке. Я вообще его не знаю. Я слышала, он переехал к женщине. Но, может, ошибаюсь.

– Знаю я эту женщину! – в сердцах сказал мужчина. – Я их и познакомил.

– Я ничем не могу вам помочь, – ответила Елена.

– А вы позвоните маклеру, – попросил мужчина. – Если есть цепь, значит, есть маклер?

– Маклер есть, – засмеялась Елена. – Телефона нет.

– А! – ответил мужчина. – Милицией вы меня пугали?...

– А что мне оставалось делать?

– Ну да! Я вас понимаю. Вы знаете, что вы в крови?

– Да, кажется... – Она побежала в ванную и увидела этот ужас – свое лицо. Красные зареванные глаза, размазанные по лицу сопли, кровь и слезы, снулые волосы вдоль щек, вспухший порез на губе и даже шея, у которой больше всего было шансов остаться пусть не победительной, но хотя бы не побежденной, была поникшей, согбенной выей, на которой ярмо просто классно гляделось. С нее бы картину писать: ярмо на шее. Чтоб ярма не было, а сама шея олицетворяла ярмо.

«Он не свататься пришел, – сказала своему изображению Елена. – Я его не знаю, и он мне никто». Она насухо вытерла лицо и стянула волосы резинкой. С тем и вышла – нате вам и извините за предыдущие сопли.

Но когда она вошла в кухню, она поняла, что ее горе – не горе, и вид ее – не вид, что на свете есть что-то и пуще.

Он сидел на табуретке и раскачивался на ней. У него были закрыты глаза и открыт рот. И изо рта шел тихий стон, и она подумала: у него кто-то там, в землетрясении. Ну просто не могло ей ничего другого прийти в голову, хотя он ведь сказал ей «ожидаемо».

Мужчина услышал ее и так сцепил зубы, что они у него скрипнули, а Елена почувствовала во рту крошево его зубов. Она даже провела языком во рту – крошева не было, но оно было! Со вкусом его пломб и табака. «Я схожу с ума», – подумала Елена.

– Вас покормить? – спросила она. – Хотите вермута? Или примите ванну?

Ну а что еще она предложит человеку? Она знала все человеческие способы спасения от беды: людям хотелось есть. Хотелось выпить. Она, например, лезла в ванну. Еще девочкой она прочла роман любимого матерью Ремарка. Там в горе занимаются любовью с первой попавшейся женщиной. Она тогда так была этим потрясена и шокирована, что вынесла Ремарка за скобки раз и навсегда. Она была жуткая максималистка и считала: писатель пишет то, что способен со-

вершить сам. Другого не бывает. Это, конечно, от мамы-пуристики, которая столько в ней высадила зерен такого рода. Но поди ж ты! Ремарка мама обожала. Не коробил ее грех у гроба. «Что ты такое, – думала тогда девочка Лена, – моя мама? Знаю ли я тебя до конца?»

– Извините, – ответил мужчина, – мне ничего не надо. Я сейчас уйду. Я был почему-то уверен, что вы знаете адрес. Ладно. Есть еще один приятель... Был бы телефон, черт побери!

– Ваш друг – жлоб, – сказал Елена. – Он увел свой телефон. А я – недотыкомка – свой оставила.

Он уходил. Это было правильно, с чего бы ему оставаться? Но во рту у нее были крошки его зубов. Довольно странный путь вхождения человека в человека. Сказать бы «сестрам-вермут», обхохотались бы.

– Это же так противно, – сказала бы «рубильник».

– Но ведь это «умственные крошки», – защищалась бы она.

Она провела языком во рту и снова ощутила боль человека, который цеплял на плечо неказистый рюкзак.

– Простите, – сказала она. – Но в порядке бреда... Если за этим дело... Вы можете остаться... Здесь две... Ах, вы же знаете... А дочь моя у бабушки... У нее узенький диванчик... Но это в порядке бреда...

Он стал сползать по дверному проему. Казалось, его тащит вниз не до конца напаянный рюкзак, вот он еще стоял,

а вот уже сидит комом на полу, и плечо его покорно гнется под лямкой, и как-то неграмотно выворочены колени... Одни словом – человек у нее рухнул, а у нее никого из подмоги.

– Господи! – закричала Елена. – Вы сердечник? Гипертоник? Что с вами?

Она села рядом с ним, взяла в руки поникшее лицо и увидела, что он плачет. «Слава Богу, он живой. У него просто горе». Она даже не споткнулась на этой мысли «просто горе». Это что – мало? Но ведь она боялась смерти. Что бы она делала с ним? А так – слезы, она сама только что обсопливилась по самую маковку. Их просто вытирают, и с концами. С этого и надо начинать.

Она принесла из ванной мокрое полотенце и вытерла ему лицо. Станным оно было в ощущении – лицо чужого мужчины. Оно оказалось большим и сильным, и твердым, и Елена вдруг почему-то подумала, что никогда не ощупывала, не трогала руками лицо мужа. Случись ей ослепнуть, она не узнала бы его пальцами. А этот, что на полу, уже был знаком и крошевом зубов, и твердостью скул, и натянутостью кожи, и горбинкой носа, и широкими впадинами глаз.

– Спасибо, – сказал он. – Дайте мне вашего вермута.

Он продолжал сидеть на полу, и она принесла ему полный стакан и опустила перед ним на колени. Он выпил залпом, но аккуратно, слизнув последнюю каплю с губ. И снова это нематериалистическое ощущение – капли на его губе. «Фу! – подумала она. – Это очень похоже на съезжающую со стро-

пил крышу».

– Теперь подымайтесь, – сказала она строго. – И снимите рюкзак.

– Сейчас, – сказал он. – Сейчас.

Он говорил тихо и монотонно... В автокатастрофу попала дочь. Они сами петербуржцы. Вернее, дочь и ее мать. Он неизвестно кто. Перекати-поле. Вечный командировочный. В конце концов его за это отлучили от дома. «Понять можно», – сказал он тихо. Жена вышла замуж. «Хорошо вышла. За домашнего мужчину». Дочь – школьница. Решили прогуляться в Москву на машине приятеля. Ну и... Трое погибли. Двое в реанимации. А жена с мужем на Кипре. Два дня и ночь пролежал на больничном полу в приемной. Платил санитарке. «Кончаются деньги, потому мне и нужен мой приятель. Дома у меня есть. Я не бедный. Дочка в себя не приходит. Никто ничего не говорит. Один, правда, сказал: „Тот самый случай, когда решение не у нас – на небесах. Тамошние лекари определяют место ее пребывания. Проси Господа“. Он ходил в церковь. Становился на колени. Целовал иконы, все подряд. А вдруг он ей навредил? Он ведь некрещеный. Как она считает?

Она считает, ответила Елена, что ничего плохого любящий человек сделать любящему не может. (Какое вранье! – вспыхнула мысль. – Любящие именно и вытворяют черт знает что.)

– Нет, правда! – говорила Елена. – Вы не могли ей навре-

дить. Не могли!

– Я не просто некрещеный, – ответил он, – я неверующий.

– Мы все такие, – сказала Елена. – Мне мама в розовом детстве объяснила, что Бога нет, а есть целесообразность природы, и человек – мера вещей. Недавно она отперлась от этих слов. Уверяла, что не могла мне сказать такой чепухи. А я эту чепуху вызубрила как дважды два. – Она вдруг застыдилась, что отягощает его подробностями своей жизни. – Вам надо ехать в больницу, и вам нужны деньги санитарке. Я правильно поняла?

– Нет, – сказал он. – Меня больше не пустят. Запретили. Ситуация стабильно плохая и будет такой неизвестно сколько. Ночью ничего не должно произойти.

– Значит, вы переночуете здесь, – твердо сказала Елена. – А утро вечера мудренее. Поищите знакомых, не найдете...

Она постелила ему на узеньком Алкином диванчике. На минуту ее охватила паника, что она ведет себя точнехонько по криминальной классике: принимает абсолютно незнакомого мужчину, поит его вином, клюет на его жалобную историю, а дальше... «Что я делаю?» Но все было уже сделано, и уголок одеяла был отвернут, как и положено у хорошей гостеприимной хозяйки.

А ночью она проснулась от стона. Гость стонал и метался, и у него скрипели зубы. «Надо дать ему реланиум», – подумала Елена и стала рыться в сумочке. На пластиночке в последнем гнездышке сидела последняя таблетка. Со стаканом

воды и таблеткой она вступила в ночь комнаты мужчины.

– Выпейте таблетку, – сказала она. – Слышите меня? Я принесла вам таблетку.

Он не слышал? Он не слышал. Она видела мятущиеся волосы на белой наволочке. Во рту у нее было его крошево. Она поставила стакан на пол и скользнула к нему под одеяло. Ах, вот как это у него было! У любимого мамино писателя. Вот как! Спасение... Единственное спасение на земле – плоть закрываешь плотью...

Алка пила воду и не могла напиться. Хорошо, что она среди них королева и что ни делает, все ей можно, а так бы уж окоротили. Воды взято мереное количество, на пятерых три литра. Так вот она одна уже выдула литр.

– Ах, Алка! Ты даешь! – Вот и вся критика в ее адрес. Она любила приезжать в Мамонтовку и царить среди «местных». Казалось бы, до Москвы рукой подать, но, если по другому счету, по счету «городской – деревенский» – теперь говорят «местный», – то тут другой километраж. Достаточно прийти к ним на дискотеку, и уже все обозначено, полный атас. На девчонках не печать – клеймо: я тутошняя, тутошняя... Бери меня, хватай... Мальчишки получше, но тоже – «сырые сапоги». Это выражение у нее от бабушки. Не очень она его помнит, но то, как он каждый раз совал руку в ее ботиночки и принимал их, запомнила. И всегда, всегда вопрос-ответ: «Не сырые у нашей деточки сапоги? Сырые. Пахнут».

– О, папа! – вскипала ее мама.

– Я дедушка деревенский, – отвечал дедушка. – Сырые сапоги для меня дело жизненное.

Понятно, почему все местные мальчишки были сырые сапоги? Они пахли. Алка своими тонкими лепестковыми ноздрями поведет – и конец репутации. Но надо сказать – в смысле чистоты и гигиены она их почти обучила.

Потому что она такая! Она королевна! Как было ей сказано в пять лет, так и в пятнадцать осталось. Королевна приехала, королевна!

А если уж совсем по-честному разбираться, то она Королева. Убери точки – Королева. А если молодая и красивая? То-то...

Одним словом, началось с фамилии, а обернулось судьбой.

Она царствует в своей вотчине Мамонтовке. Цып-цып-цып – и они за ней стайкой. Поэтому она может пить хоть всю воду, съесть хоть все бутерброды – ей можно. Алке-Королевне.

Она захлебывается водой как свободой и властью. Как же хорошо жить! Смутно мелькнул в памяти рассказ: вчера на Ярославке разбилась машина. Отец ее приятеля Мишки, с которым у нее сто лет тянется-потянется дачная любовь, гаишник. Он сказал, что все погибли, двоих, правда, «скорая» взяла, хоть и не хотела, мол, не довезем, что все молодые дураки и почти наверняка были в поддаче. На этом основа-

нии отец запер Мишкин мотоцикл, поэтому традиционные гонки были отменены, поэтому приперлись в лес и балдеют неконкретно.

Вода дает о себе знать, и Алка бежит в кусточки. Она сидит на корточках, пытаясь струйкой перекрыть дорогу муравьиному каравану. Нет, она не убийца, она в них не попадает, просто она создает им Великий Тихий на пути...

«Эй! – шепчет она муравьиному миру. – Кто из вас Ной?»

Поднялась, ширкнула молнией стареньких шорт... Он стоял и смотрел на нее. Парень.

– Ну и что? – резко спросила она его. – Интересно смотреть, как писают девочки?

Она знала это за собой – рождение в ней хамства и дерзости. Ничего-ничего, и откуда-то из солнечного сплетения, из переплетенности, завязи нервов выходил мохнатый головоногий карлик. Он прочищал свое горло прямо в ее гортань, и следом за его хрипом из нее это шло... И все равно, кто был рядом... Все равно. Не было в ее жизни ни одной человеческой особи, кто мог остановить головоногого. Попадало всем. Матери. Отцу. Бабушке. И это было не дай Бог. Попадало учителям и просто знакомым взрослым. И это было еще хуже. Попадало друзьям и подругам. И она столько потеряла в дружбе. Когда спохватывалась, было поздно. Ей не прощали, да она и сама себе этого не прощала. Поэтому даже таскалась к идиотке-психиоаналитику. Когда цель была близка и имелось в виду, что головоногий карлик очистил от

себя пределы солнечного сплетения, она сказала даме-врачевательнице:

– Вы знаете, что у вас пахнет изо рта? Вы не думали, что мой способ агрессии милосердной вашего? Подумайте!

И ушла, не забыв положить на подзеркальник конверт с гонораром. Головоногий ходил в ней кубарем от счастья сохранения прописки. «Чем он хуже других? – думала Алка. – Пусть живет».

Она стояла перед незнакомцем вся на изготовочку, ощущая в себе радостное возбуждение карлика.

– Я спрашиваю, – сказала она особым своим голосом, – словили кайф от подглядки? И как?

Таких выпученных от удивления глаз она сроду не видела. Парень как бы подавился, он даже потер себе кадык, чтобы сглотнуть то, что получил. Алка же, нежно переступив через муравьев, шла туда, где ее ждала компания, где, натянув козырек на самый нос, Мишка смотрит в ту сторону, куда она ушла, и ждет ее, ждет и всю жизнь будет ждать. Так она ему велела: «Жди!»

Она была почти рядом с чужаком, когда он наконец откашлялся и прозвучал.

– Девочка! – сказал он, оказывается, с насмешкой. – У тебя все дома? Или некоторые уехали за границу?

– У меня комплект, – ответила Алка.

– Пойди проверь! – засмеялся парень. – Очень подозреваю, что дома не все. Тебя, девочка, бросили на произвол

судьбы. Бедняжечка ты записанная!

И он ушел со своим последним словом, высокий парень с выгоревшими волосами, с большими глазами, которые чуть-чуть и могут сойти за выпученные, широкоплечий, узкобедный, потрясный парень, если разобраться, ушел от нее, как от собаки из подворотни, которая взяла и облаяла. Она идиотка, хамка, и от нее надо бечь. Что и было сделано.

– Там какой-то тип ходил, – сказала она Мишке. – Я в первую минуту на него накинулась... Мало ли... Лес...

– Так мы же рядом! – ответил Мишка.

– Забыла! – ответила она. – Я про вас забыла.

Ей уже не хотелось гулять. Она продолжала видеть спину, которая от нее уходила. Ей хотелось догнать ее и вернуть в то самое место, с которого все началось. Он ведь просто шел мимо, увидел девочку за кустиком, остановился, чтоб ее не спугнуть. Как она должна была себя вести в этом случае? Смутиться, как всякая порядочная... Ну ладно, смутилась... Дальше?... Дальше у нее не получалось... Дальше снова и снова возникал карлик, потому что без него она не знала, что делать. Случилась странная задача, которая решалась только неправильно. Правильного решения она не имела.

– Не те слова! – сказала она себе, и Мишка, естественно, услышал. Во саду ли, в огороде, если она была рядом – он слышал только ее.

– Какие не те слова? – спросил он.

– Миш! – сказала она ему. – Ты не лезь мне в пупок, лад-

но? А то плохо кончится...

– Понял, – ответил он. И она поняла, что ненавидит его люто. За это самое – «понял», за это «всегда готов», за это «как скажешь».

Алка встала и пошла.

– Гуляйте без меня, – махнула она рукой всей компании, но опять же... Мишка возник и, как ординарец, пошел слева и сзади. «Я его сейчас убью», – подумала Алка, но, повернувшись, сказала: – Миш! Ну я прошу тебя... У девушки маниакально-депрессивный психоз... Ей надо в темную комнату...

– Иди, разве я тебя держу? – ответил он. – Я тоже иду домой. Разве нам не по дороге?

Так они и шли. Как бы вместе и как бы поврозь. Но карлик стерпел это насилие над собой и смолчал.

Хорошо, что бабушки не было дома. Алка села в скрипучую качалку, оставшуюся на терраске с доисторических времен, когда на этом самом месте жил один большой сталинский начальник – его дача и сейчас стоит в центре, витиеватая, ажурная, стеклянная... В ней сейчас коммуналка дачников. Бабушке подфартило получить комнатку с терраской в доме для челяди. Алкина мама как-то сказала, что в нашей стране выгоднее наследовать от челяди, а не от хозяина: так, мол, устроен русский характер. Алка с матерью соглашается с пятого раза на шестой, даже если та права. Она не согласна с ней не по деталям – по сути жизни, а значит, и слова ее

изначально для нее несущественны. Но вот в разговоре о хозяине и челяди (Господи, да что они ей – эти птеродактили?) она как бы ухватила мысль и как бы стала перебирать пальцами. И она ей показалась ничего. Было интересно определять людей по основополагающему признаку: а ты кто в жизни? Из хозяев или из челяди? Кому из потомков подфартит больше?

Сейчас она скрипела в челядинском кресле и думала: жизнь у нее отвратительная: глупая, бездарная. Нашла себе тщеславие – петушиться перед «сырыми сапогами»... Да кто она есть? Дочь абсолютной неудачницы, которая ни по работе, ни по личной жизни не достигла ничего. Развелась с отцом, дура. Пилила его с утра до вечера, и то не так, и это не эдак. Нормальный отец был, не хуже других. Просто озверел от скулёжа и нашел другую тетку. Если бы можно было поменять мать, она бы не задумывалась. Она уже сейчас в кошмаре, как они будут жить вдвоем. Ведь мать ни разу в жизни ни одно утро не начала с доброго слова. Это сказал ей недавно отец. «Обрати внимание. Утро, солнце, воскресенье, а у нее сырой подвал, ночь и всегда понедельник».

Она обратила – все точно.

Конечно, она прописана у бабушки, и если у них с матерью не заладится, то она, не говоря худого слова, перекоちует по месту прописки. Хотя дуру-мать тоже жалко. Еще ведь не старая и все при ней, но чтоб кто-то куда-то позвал, пригласил...

– У тебя что, кроме отца, никогда никого не было?

Мать аж дрожит от гнева.

– А они мне нужны? Нужны?

– Нужны, – сказала ей Алка голосом карлика. – У тебя пропадает тело. Еще чуток – и у меня начнет пропадать.

Как мать на нее кинулась! Руками машет, орет... Оторвала у халата рукав. Сильная же! Дерется изо всех сил, а сдачи ведь не дашь.

Алка раскачивается на качалке. Сейчас самое время перейти к критике отца. Тоже, конечно, не подарок, но с отца мысль сама по себе – птица ведь вольная эта чертова мысль – оказалась опять там. В лесу.

«Господи! – возмутилась Алка. – Да что же это такое! Я что, так теперь и буду вечно писать в том лесу?»

Но сделать уже ничего было нельзя. Она вспомнила, как незнакомец, подавившись ее словами, трогал свою шею, и рука его в сгибе была – оказывается! – такой красивой, что ей хотелось ее тронуть, и от этого желания у нее сжались колени и так напряглись, что там – там! – стало сыро, и надо было идти менять трусики и шорты, но встать не было сил, и она подумала: «Вот, значит, как с дурами происходит. Они *сами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.